

музей

Волошин
Максимilian

11.08.03

неудобный абориген

моск. новости 2003 - 11 авг. - с. 19

женой. Позже, в Берлине, Волошин приобретает копию скульптуры.

Совсем не удивительно, что именно здесь, на древней земле Киммерии, где оставили следы скифы, греки, татары, турки, славяне, волошинская муза дала лучшее из его поэтического и художественного наследия. Но если поэзия умеет жить в сердцах и книгах, материальные вещи имеют свойство ветшать.

ЖУК, МОЛЬ И ПЛЕСЕНЬ

С главным хранителем Дома Татьяной Сериковой мы сидим в одной из многочисленных маленьких уютных комнат, куда доступ обычным посетителям закрыт: сегодня им показывают лишь три зала и мастерскую, остальные 18 комнат – в аварийном состоянии. Татьяне Ивановне наблюдать эту ситуацию особенно грустно:

– Я выросла в Коктебеле и всю свою сознательную жизнь провела здесь. Мне когда-то довелось видеть волошинский Коктебель. Помню сидящую на веранде Марию Степановну в роговых очках. Мы называли ее «старуха Волошина» и прятались от нее в кустах. Но уже тогда, не зная Волошина, мы относились к этому дому с большим уважением, к его распахнутым настежь окнам, когда открывали ставни для проветривания. Тянуло сюда, и вот посчастливилось работать здесь. Хотя, возможно, лучше бы этого и не случилось, потому что постоянно чувствуешь вину и неспособность вмешаться в процесс, который идет уже сам по себе.

Действующие лица этого процесса: жук-точильщик, моль и белая плесень. Жук без перерыва на обед точит не только ценную мебель, но и перекрытия дома. Моль с аппетитом вгрызается в ковры, матрасы и одежду. В самом бедственном положении оказалось богатейшее собрание акварелей и графических работ Волошина, Богаевского, Бенуа, Остроумовой-Лебедевой – всего около 80 папок. Осмотрев коллекцию, реставраторы из Национального научно-исследовательского реставрационного Центра Украины пришли в ужас.

– Волошин всегда рисовал на очень хорошей бумаге, типа «верже», – говорит реставратор Людмила Ятченко. – Но при высокой влажности, которая неизбежна здесь из-за морского климата, происходит очень сильная деградация бумаги, нарушается ее кислотность, и акварели покрываются коричневыми пятнами. Если не создать определенных условия, то коллекция в скором времени может погибнуть.

После аварии в прошлом декабре, когда в Доме прорвало систему отопления, оказались подтоплены папки с ценнейшими графическими рисунками Богаевского. Именно им и оказывали скорую помощь приехавшие из Киева реставраторы Людмила Ятченко и Евгения Осадчая. За свою короткую командировку они успели спасти около десяти работ. Женщины раскрывают папки и, вздыхая, показывают нежные волошинские акварели, насквозь пораженные рыжими пятнами.

Похожий на корабль Дом поэта оброс, как ракушками, ларьками и кафе

ЕВРОРЕМОНТ В ДОМЕ ТВОРЧЕСТВА

Акварель для Волошина была практически равноценна поэзии. Именно Коктебель открыл в нем самобытнейшего мастера. Он писал по несколько работ в день, и никогда – с натуры. Каждая из акварелей была состоянием его души: перед работой Макс уходил на побережье или в горы, много бродил, стараясь уловить настроение природы, и только потом приходил в мастерскую и брался за кисть. Чтобы от этого вдохновения ничего не осталось, достаточно каких-нибудь двадцати лет. На полноценные реставрационные работы, вместе с капитальным ремонтом Дома, который не проводился никогда, нужно около миллиона гривен (около 190 тысяч долларов). С ними за два-три года можно решить все проблемы музея. Так говорит Борис Петрович Полатевкин, генеральный директор заповедника «Киммерия М.А. Волошина» (в него, помимо Дома Волошина, входят дом-музей А. Грина и будущий музей сестер Цветаевых в Феодосии). Но пока что денег нет, а Дом-музей Волошина даже не имеет юридического статуса и является лишь составной частью заповедника. Беззащитным оказался и дом Елены Оттобальдовны Волошиной, бывший когда-то частью усадьбы. Находящийся на территории Дома творчества писателей, он мог бы стать прекрасным фондохранилищем и выставочным помещением. Однако сегодня в нем полным ходом идет

евроремонт, после чего он превратится в доходную гостиницу Союза писателей Украины.

– Уверенность в том, что здание будет нам передано, уменьшается с каждым днем, – говорит директор заповедника. – История нам этого не простит. По сути, это заповедник российской истории и культуры в Крыму. А Дом Волошина – явление не крымского масштаба и даже не масштаба СНГ, это явление мировое.

Наверное, именно этот факт тронул чиновников из Администрации Президента России: единственный ответ на просьбы о помощи пришел из Москвы. Внешторгбанк обещал 30 тысяч долларов, которые должны подоспеть к 11 августа, дню памяти Волошина. Их должно хватить хотя бы на неотложные работы. А пока что сотрудники больше надеются на помощь свыше: по их наблюдениям, только дух Макса и его жены Марии Степановны сохранил Дом до настоящего времени.

Этот Дом пережил две революции и две войны. В Отечественную войну Мария Степановна Волошина спасла его, предотвратив взрыв: наши войска, отступая, уничтожали все на своем пути. Ценные вещи она бережно прятала, закапывала в землю. После смерти Макса, долгих 44 года, она трепетно хранила все, что он оставил. Неужели для нас?

ДЕНЬГИ ТЕКУТ РЕКОЙ

Дикость ситуации в том, что деньги в Коктебеле текут рекой. При этом многое в местном курортном бизнесе

делается именем Волошина. В июле на площади перед Домом отгрохотал джазовый фестиваль «Максимилиан Волошин». Затея была замечательная, экспрессивные джазмены со всего Крыма доставили отдыхающим огромное удовольствие. Да и Дом поэта послужил естественной декорацией: он чрезвычайно эффектно выхватывался из темноты разноцветными софитами. Правда, после двух дней работы фестиваля сотрудники Дома-музея обнаружили в стенах новые трещины, выпавшие гвозди и осыпавшуюся штукатурку.

Но с коктебельской набережной такие мелочи не видны. Здесь живут по завету местного бизнесмена, а по совместительству поэта В. Ложко, который, по слухам, «арендовал» набережную Коктебеля на 45 лет вперед. Наказ современникам начертан на стене его литературно-поэтического кафе: «Пей вино, крепко женщин люби, Отдавайся поэзии страстно. Меньших братьев желей, никому не груби, И на этой земле проживешь не напрасно».

Чем плохое напутствие? Практически волошинское: «Люби далекий парус корабля И песню волн, шумящих на просторе. Весь трепет жизни всех веков и рас Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас».

Собственно, в маленькой разнице между этими поэтическими заповедями и заключается драма Коктебеля и его главного Дома.

Наталья АЛЯКРИНСКАЯ
Фото автора